Е.В. Каменев

«ЗАХВАТ ЗИМНЕГО ДВОРЦА»: ОБРАТНОЕ ВРЕМЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДЕКАБРИЗМА (середина 1950-х гг.)

В статье исследуется интерпретирующий механизм советской историографии декабризма середины 1950-х гг. на примере повествования о декабристской тактике. Показано, что идея революционности декабристов была сформулирована в исследованиях на уровне вторичной знаковой системы через отсылки к ключевым для советской культуры событиям начала XX в. В сталинскую эпоху декабристы мыслились как предшественники большевиков, но интерпретировались на основе истории своих легендарных потомков. Историографическое время текло в обратном направлении, поскольку предшествующие события оказывались в зависимости от последующих. Революции начала XX в. были семантической доминантой, благодаря которой материал исторических источников выстраивался в стройное повествование.

Ключевые слова: *советская историография декабризма, историческая интерпретация, семиотика, интертекст*

8 марта 1918 г. на своем VII съезде РСДРП(б) была переименована в РКП(б). Изменение названия партии свидетельствовало о разрыве большевиков с европейской социал-демократией и выборе собственного пути[1]. Утверждение уникальности требовало, в свою очередь, поиска собственных – неевропейских – корней. Большевикам требовалось найти в истории России своих предшественников, прочертить линию развития революционного движения, которая от первых попыток борьбы с самодержавием вела бы прямо к ним как к победителям.

В 1920-е гг. шли дискуссии о том, стоит ли включать декабристов в пантеон исторических героев, что неудивительно, поскольку вся дореволюционная история после прихода большевиков к власти оказалась в опале. Вызывала сомнение и классовая принадлежность декабристов, а также либеральные черты в их программе. Ситуация изменилась, когда в 1930-е гг., с одной стороны, началась реабилитация дореволюционного прошлого, а с другой, была выработана официальная позиция по отношению к декабристам. В это время была канонизирована ленинская формула трех этапов русской революции, которая послужила идеологическим базисом для осмысления декабризма. Проблема, поэтому, была не только и даже не столько в поиске героев прошлого, сколько в интерпретации их деятельности – декабристы должны были предстать в виде истинных революционеров, а их выступление на Сенатской площади –

[1] «Важнейшим доводом за перемену названия партии, – говорил В.И. Ленин, выступая на съезде, – является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейских социалистов <…> Наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели». Седьмой экстренный съезд РКП(б): 138.

первой попыткой свержения самодержавия. Однако исторический материал может быть осмыслен по-разному. Так, В.М. Бокова в своем фундаментальном труде «Эпоха тайных обществ» показала, что источники не позволяют однозначно говорить о революционности декабристов[2]. Современная историография видит в движении декабристов преимущественно либеральные черты и ставит под сомнение его радикализм.

В настоящей работе нас интересует *механизм интерпретации декабризма* в советской историографии 1950-х гг. – не прямые указания на революционность декабристов, а вторичная знаковая система в исторических исследованиях и ее роль в конструировании концепта революционности декабристов. В центре нашего внимания – не интенции историков, а функционирование языка советской культуры[3]. Исследование основано на анализе компактного и цельного блока работ, вышедших к 130-летию восстания декабристов и отражающих взгляды историков эпохи позднего сталинизма[4]. Эти тексты обнаруживают несомненную повторяемость как исторических сюжетов, так и их трактовок, что позволяет обобщить единичные свидетельства. В рамках статьи будут рассмотрены повествования о тактике декабристов в период подготовки и проведения ими восстания на Сенатской площади.

Методологической основой исследования является семиотический анализ. Труды историков, созданные в пространстве советской культуры эпохи позднего сталинизма и выполняющие помимо научной еще и идеологическую функцию[5], построены по принципу многоярусной семантики[6]. Повествование историков о декабристах включает в себя два смысловых уровня: денотативный и коннотативный. Теория и практика анализа таких текстов разработана и апробирована Р. Бартом[7]. Первичный семиотический уровень представлен естественным языком как де-

[2] Бокова 2003: 3-24.

[3] Мы разделяем тезис Х. Уайта и Ф. Анкерсмита, согласно которым историческое прошлое как упорядоченный (объединенный причинно-следственной связью) и осмысленный феномен конструируется историком при помощи лингвистических и литературных средств (Анкерсмит 2009; White 1990). Язык науки не может быть полностью свободен от литературных приемов (Iggers 1997).

[4] Несмотря на то, что проанализированные тексты были опубликованы главным образом в середине 1950-х гг., работа над ними велась еще при жизни Сталина. В более поздних трудах уже обнаруживается отход от историографических схем и концепций эпохи сталинизма. См., напр.: Ланда 1975.

[5] В 1950-е гг. советские историки должны были фактами подтвердить тезис Ленина о декабристах как первых русских революционерах, стремившихся к свержению самодержавия и ликвидации крепостничества. При этом не имело значения, как высказывания Ленина соотносятся с историческим контекстом (Юрганов 2011: 677). Публикация текстов уже после смерти Сталин, не отменяло необходимости для авторов следовать руководящим указаниям, даже в середине 1950-х – середине 1960-х гг. историкам удалось получить лишь относительную свободу (Сидорова 1997: 266).

[6] В таких текстах «одни и те же знаки служат на разных структурно-смысловых уровнях выражению различного содержания» (Лотман 2002b: 286). По такому принципу построены, например, художественные тексты (см. об этом: Барт 1989; 2001; 2008).

[7] О коннотативной семиотике Барта см.: Косиков 2008.

нотативной знаковой системой. Его семантика доступна всякому, владеющему языком, на котором написан текст, поэтому чтение на этом уровне не представляет проблем. Вторичный семиотический уровень текста представлен его коннотативным компонентом, в основе которого лежит язык культуры. Этот уровень уже непрозрачен с семантической точки зрения, поскольку здесь для выявления смысла сообщения необходимо знание культурно-семиотического кода. Превращение декабризма в знак революционности осуществлялось именно на уровне языка культуры. Для раскрытия семиотических основ концептуализации декабристской тактики в советской историографии середины 1950-х гг. необходимо найти знаки вторичной семиотической системы, определить культурно-семиотический код и выявить семантику знаков вторичной знаковой системы в пределах данного кода.

Знаки вторичной семиотической системы. Проанализированные повествования о восстании 14 декабря 1825 г. отличаются повторяемостью ряда сюжетов: все историки пишут о наличии у декабристов продуманного плана действий, о серьезной агитационной работе членов тайных обществ в армии и подчеркивают военный характер восстания. За разнообразием плана выражения и объема информации[8] в этих сюжетах обнаруживается единство плана их содержания. С семиотической точки зрения каждый из этих сюжетов является знаком, который в советской культуре 1950-х гг. имел свои коннотации.

Первым знаком является *планомерность*. Говоря о подготовке восстания, советские историки делают акцент на наличии у членов тайных обществ тщательно разработанного плана восстания. М.В. Нечкина отмечала, что декабристы готовились к выступлению «не менее пяти лет», причем «отдельные существенные элементы плана» были «много старше» и восходили еще к Союзу Спасения, т.е. к 1816–1818 гг.[9] Наличие плана действий у декабристов отмечается даже в текстах, специально не посвященных восстанию на Сенатской площади. К примеру, Н.С. Захаров в статье о петербургском совещании декабристов в 1824 г. останавливается на обсуждении членами тайных обществ планов восстания[10]. Об энергичной разработке планов переворота членами Южного и Северного обществ говорится и в статье Л.А. Медведской, посвященной связям декабристов с Польским патриотическим обществом[11]. В ряде случаев отмечается наличие сразу нескольких планов выступления, которые принимались и отвергались в зависимости от меняющейся обстановки. У декабристов был общий «революционный план» и «конкрет-

[8] План выражения знака вторичной знаковой системы может соответствовать как одному слову, так и нескольким страницам текста. В этом смысле интересен пример Р. Барта с рекламой фирмы «Пандзани». В слове *Пандзани* коннотативным означающим является фонематическое «дз», отсылающее к итальянской культуре. Разбор этого примера см.: Косиков, 2001.

[9] Нечкина 1955: 224.

[10] Захаров 1954: 113.

[11] Медведская 1954: 291.

ные планы», разработанные на его основе[12]. Так, Южное общество подготовило т.н. Белоцерковский план, ключевую роль в котором играла армия[13], затем, после смерти Александра I, «Пестель создает новый конкретный план реального выступления»[14]. В период междуцарствия из-за резко поменявшейся ситуации был разработан новый план восстания[15].

В повествовании советских историков о планах вооруженного восстания, разработанных декабристами, важную роль играет понятие *организованность*. 14 декабря – ни в коем случае не стихийное выступление в удобный момент, «какого упускать нельзя». Продуманный план должен был свести к минимуму случайность и хаос в действиях восставших. Организованное выступление противопоставлялось стихийности народного бунта, анархического по своей сути, декабристы же «были противниками "пугачевщины" – народного "мятежа", лишенного единого руководства»[16]. Поэтому они заранее определили круг командующих. Еще за год до восстания, как показал Н.С. Захаров, декабристы договорились «утвердить организационные формы, обеспечивающие единое и твердое руководство <…> в период подготовки выступления и во время самого переворота»[17]. Согласно плану, декабристы должны были с помощью армии захватить стратегически важные объекты – Петропавловскую крепость, арсенал, а также Зимний дворец, захват которого планировался в связи с необходимостью ареста царской семьи[18].

Вторым знаком декабристской тактики в использованных нами текстах является *агитационная работа в армии*. Планируя совершить вооруженное восстание, декабристы заранее готовили солдат к перевороту, разъясняя им его цели. Отправные моменты агитационной работы советские историки усматривают уже в послевоенных офицерских артелях и желании будущих декабристов противостоять «аракчеевской реакции»[19]. Далее агитация шла по нарастающей, охватывая уже целые воинские части: «пропагандой были затронуты полки Саратовский, Пензенский и 9-я и 8-я артиллерийские бригады»[20]. Часто в текстах приводятся примеры, свидетельствующие об активной агитационной работе декабристов в армии[21]. Задача пропаганды заключалась в подготовке солдат, сознательно выходящих на площадь. Членам тайных обществ, согласно нашим текстам, не нужен был воин, слепо подчиняющийся приказам. Они хотели вывести под стены Сената части, понимающие и разделяющие цели восстания. Случайность и неосознанность действий

[12] Нечкина 1955: 219.
[13] Порох 1954: 128.
[14] Нечкина 1955: 205.
[15] Там же: 217.
[16] Там же: 341.
[17] Захаров 1954: 114.
[18] См., напр.: Аксенов 1951: 307; Нечкина 1955: 241, 242, 244.
[19] Прокофьев 1953: 130–136.
[20] Нечкина 1955: 187.
[21] См., напр.: Габов 1954: 143; Нечкина 1955: 187; Оксман 1954: 463.

солдатской массы исключались: «пропаганда шла вглубь, – пишет М.В. Нечкина, – знакомила с существованием тайного общества и его главной целью, поднимала солдат на восстание и наметила в солдатской массе определенную организацию»[22]. В этом декабристам сопутствовал успех: на Сенатскую площадь вышли революционно настроенные воинские части. Солдаты действовали исходя из своего революционного настроя в нарушение приказов высших командиров: «противоречие приказу начальства, “воле начальства”, отказ от слепого повиновения, решение действовать по своему разумению <…> бросаются в глаза»[23].

Третьим знаком декабристской тактики в рассмотренных текстах является *вооруженное восстание*. Общее место советской историографии – трактовка событий на Сенатской площади как попытки свержения «устаревшего феодально-крепостнического строя» с помощью оружия. Идея вооруженного восстания, согласно нашим текстам, была выдвинута декабристами задолго до событий 14 декабря. Уже члены Общества соединенных славян (образовано в 1823 г.) «ясно и определенно ставили вопрос о необходимости вооруженного восстания. Для них было совершенно ясно, что царь и помещики добровольно не уступят своей власти, поэтому они должны быть свергнуты с помощью оружия»[24]. И.В. Порох отмечал, что «в основе тактического плана, принятого Южным обществом, лежало разделяемое также и Северным обществом положение, что переворот должен носить характер военной революции»[25].

Вооруженное восстание предполагало силовое принуждение органов государственной власти к принятию условий, выдвинутых декабристами. Выведенные на Сенатскую площадь войска должны были открыть огонь. О готовности декабристов к кровопролитию говорится практически во всех наших текстах. К примеру, согласно К. Аксенову, большинство членов Северного общества придерживалось принципа, согласно которому «крови бояться не должно»[26].

Прямой денотативный смысл всех вышеперечисленных знаков понятен любому владеющему русским языком. Подготовка к восстанию 14 декабря и само восстание на Сенатской площади включали в себя, согласно нашим текстам, во-первых, тщательное планирование декабристами своих действий с целью осуществления организованного выступления; во-вторых, агитацию в армии; и, наконец, в-третьих, вооруженное восстание с захватом стратегически важных объектов столицы. Теперь наша задача заключается в определении коннотаций этих знаков.

Семиотический код. Коннотации актуализируются и приобретают фиксированное значение благодаря ассоциациям, возникающим в пределах той культуры, в которой создан текст. Возникают они на

[22] Нечкина 1955: 184.
[23] Там же: 308.
[24] Габов1954: 142.
[25] Порох 1954: 131.
[26] Аксенов 1951: 257.

основе так называемой памяти контекста, интертекстуальных связей произведения – через актуализацию явных и скрытых отсылок к прецедентным текстам данной эпохи и к знаковым для данной культуры событиям[27]. Поскольку культура представляет собой совокупность семиотических кодов[28], наша задача найти тот код, в рамках которого повествование советских историков о тактике декабристов функционировало как знаковая система, т.е. возникало явление семиозиса.

В отличие от исторического времени, последующие события которого обусловлены предшествующими, историографическое время течет в обратном направлении – от настоящего в прошлое. События прошлого оказываются в зависимости от событий настоящего. Б.А. Успенский, уделивший специальное внимание семиотическим основам исторической интерпретации, показал, что исторический опыт не есть нечто абсолютное и объективно данное, он меняется со временем и выступает как производное от текущей ситуации. Однако далеко не все события настоящего оказывают влияние на осмысление прошлого. Такую силу получают только такие события, которые играют смыслообразующую роль – речь идет о семантических доминантах культуры[29].

В сталинскую эпоху такой семантической доминантой являлась история революций начала XX в. в России. Движение декабристов не было самостоятельным феноменом в интеллектуальном контексте середины 1950-х гг. Оно было погружено в парадигму единого «революционного движения»[30]. Достаточно вспомнить ленинскую идею преемственности революционных поколений, которая в советской культуре была закреплена в виде метафоры искры, высеченной декабристами, из которой впоследствии большевики раздули пламя[31]. Эта идея была воспринята советской историографией: «К 1817 г., – писал П.В. Никандров, – группа молодых революционеров, движимая горячим чувством патриотизма, создала политическое общество для борьбы против деспотизма и тем самым бросила в русский народ первую революционную искру. Ровно через 100 лет эта искра разгорелась в великое пламя пролетарской революции, которая открыла новую эру в истории человечества»[32]. Ленинский тезис о преемственности революционных поколений, связывавший 1825-й год с событиями 1917-го, породил модернизирующую

[27] Как показал У. Эко (Эко 2005: 43), интертекстуальные связи актуализируются в произведении с участием читателя.

[28] Лотман 2002а; Лотман 1992.

[29] Подробнее о семантических доминантах см.: Успенский 2002: 9–45.

[30] Ильин 2014: 6.

[31] Речь идет о знаменитой фразе, связывающей начало революционного движения в России (декабристов) с его завершением (большевиками): «В декабре 1900 года за границей вышел первый номер газеты “Искра”, – говорится в учебнике “История ВКП(б). Краткий курс”. – Под заголовком газеты было изречение (эпиграф): *“Из искры возгорится пламя”*. Эти слова взяты из ответа декабристов поэту Пушкину, который послал им приветствие в сибирскую ссылку». – История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс: 25.

[32] Никандров 1955: 6–7.

интерпретацию декабристов. Этот феномен был отмечен уже Г.Д. Алексеевой, показавшей, что П.И. Пестель стал в советской культуре ни много, ни мало родоначальником большевистской аграрной программы[33].

В целом, интерпретация прошлого сквозь призму революций начала XX в. и истории большевистской партии как семиотической доминанты советской культуры характерна для рассматриваемого нами периода и не ограничивается только лишь осмыслением истории декабризма. К примеру, А.М. Дубровский отметил, что в сталинское время модернизировалась деятельность Петра I. Между ним и большевиками проводилась известная параллель – политика Петра сближалась с советской индустриализацией. Это видно даже на основе дискурса, в рамках которого велось повествование о деятельности Петра I. Говорилось, что он создавал не мануфактуры, а, как и Сталин, фабрики[34].

История революционных событий начала XX в. является тем семиотическим кодом, который позволит нам «дешифровать» повествование советских историков. В рамках этого кода знаки, закрепленные в их текстах, обретали свои культурно-обусловленные смыслы. Далее для краткости будем называть этот код советским революционным кодом.

Одной из основных тем советского метанарратива о революции являлась борьба внутри революционного движения – борьба настоящих революционеров с «попутчиками революции», к которым советская идеология относила «мелкобуржуазных демократов», либералов, соглашателей, «экономистов», оппортунистов и т.п., представленных, прежде всего, эсерами и меньшевиками. Это противостояние мыслилось как один из важнейших факторов, влиявших на все революционное движение, и рассматривалось как дело не меньшей важности, чем борьба с монархией. Поскольку в сталинскую эпоху декабристы были названы предшественниками большевиков, в их образе не могло быть и намека на стихийность и оппортунизм. Советская культура предлагала целый набор критериев, на основании которых можно было верифицировать революционность исторического героя. Одним из них и была тактика. Поскольку большевистская тактика получила статус образцовой, на нее должны были равняться в историографическом смысле все те, кто был зачислен в предшественники радикального крыла русской социал-демократии. На характеристике большевистской тактики и, главное, на том значении в семиотическом понимании этого слова, которое приписывалось каждому ее элементу, мы сконцентрируем свое внимание.

Семантика знаков вторичной семиотической системы. В истории России было немало народных бунтов, но они не получили в советской культуре высокий статус революционных выступлений. Разграничение между революцией и бунтом основывалось в рамках интересующего нас кода на противопоставлении понятий *планомерность* и *стихийность*. Бунт вспыхивает сам собой, он не подготовлен, и в этом его

[33] Алексеева 1997: 124.
[34] Дубровский 2005: 86.

слабость. Революция – плод трезвого расчета, она просчитана до деталей, и каждый ее участник знает свою роль. Революционеры – профессионалы своего дела, умеющие организовать и успешно провести восстание на основе конкретного плана. Именно этому учил советского читателя «Краткий курс»: перед октябрьскими событиями 1917 г. Ленин «давал конкретный план восстания: о том, как использовать воинские части, флот и красногвардейцев, о том, какие решающие пункты в Петрограде необходимо захватить, чтобы обеспечить успех восстания»[35].

Наоборот, отсутствие плана в действиях восставших грозит обернуться поражением. Именно стихийность в действиях восставших, согласно «Краткому курсу», обернулась крахом декабрьского восстания 1905 г. в Москве: «Лишившись руководящего центра, не имея общего по городу плана борьбы, районы ограничивались главным образом обороной. Это было основным источником слабости Московского восстания»[36]. В этом контексте показателен дискурс советских историков, которые не считали действия декабристов на Сенатской площади обороной, вызванной стихийностью выступления: восстание никак нельзя назвать «“стоянием” или “топтанием” на месте», днем 14 декабря шло *развертывание войск*, восстание «не “стояло”, а собирало свои силы»[37].

Если планомерность ассоциируется в рамках советского революционного кода с большевиками как с подлинными революционерами, то стихийность однозначно была связана с «мелкобуржуазными демократами» и анархистами, которые «окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию»[38]. Именно из-за своей стихийной природы анархизм, согласно Ленину, был обречен на поражение. В октябрьские дни 1917 г. анархисты, в отличие от большевиков, ничего не смогли сделать для «действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России» и «растерянно стояли в сторонке»[39]. Сходные мысли обнаруживаем и в работах Сталина, который весьма критически оценивал всех, кто «преклоняется перед “стихией”»[40].

Революция в отличие от стихийного бунта проходит как военная операция, с единым командованием и использованием оружия на профессиональной основе. Этот тезис рефреном звучит в целом ряде работ Ленина, причем как в ранних текстах, написанных еще в период первой русской революции, так и в более поздних, когда на первый план вышла задача интерпретации бурных событий начала XX века. К приме-

[35] История Всесоюзной коммунистической партии..: 196.
[36] Там же: 79.
[37] Нечкина 1955: 322.
[38] Ленин 1981: 27.
[39] Ленин 1970: 102.
[40] Сталин 1954: 132.

ру, и в «Двух тактиках социал-демократии…» (1905), и в «Детской болезни левизны в коммунизме» (1921) Ленин выделял вооруженное восстание как характерную черту настоящей революции[41].

Знак *вооруженное восстание* позволял в рамках советского кода определить подлинно революционную тактику. Весьма показательно четкое противопоставление на страницах «Краткого курса» большевистской и меньшевистской позиций во время декабрьских событий 1905 г. в Москве: «Меньшевики и большевики дали разную оценку декабрьскому вооруженному восстанию. Меньшевик Плеханов после вооруженного восстания бросил упрек партии: “Не надо было браться за оружие”. Меньшевики доказывали, что восстание – ненужное и вредное дело, что в революции можно обойтись без восстания, что успеха можно добиться не вооруженным восстанием, а мирными средствами борьбы. Большевики клеймили такую оценку как предательскую. Они считали, что опыт Московского вооруженного восстания только подтвердил возможность успешной вооруженной борьбы рабочего класса»[42].

Большевистская тактика вооруженного восстания предполагала обязательное привлечение армии на сторону восставших. Исключительное значение армии в революции было зафиксировано в советской культуре. К примеру, восстание на броненосце «Потемкин» имело, согласно Ленину, «громадное значение», поскольку «впервые крупная часть военной силы царизма, – целый броненосец, – перешла открыто на сторону революции»[43]. В целом переход армии на сторону революционеров Ленин считал переходом Рубикона[44].

Армия, гласили советские тексты, никогда не переходит на сторону революции просто так. Массовое выступление солдат является следствием кропотливой агитационной работы революционеров. Неудивительно поэтому, что *агитационная работа в армии* стала знаком подлинно революционной тактики в рамках советского революционного кода. «В особенности большую работу, – читаем в учебнике по истории партии о событиях лета 1917 г., – повели большевики в армии. Повсюду стали создаваться военные организации. На фронтах и в тылу большевики неутомимо работали над организацией солдат и матросов»[45]. В резолюции ЦК РСДРП (б), принятой утром 22 апреля/5 мая 1917 г., которая была опубликована впоследствии в собрании сочинений Ленина, говорилось, что для подготовки революции необходима «пропаганда и агитация от группы к группе среди каждого полка». Сходные мысли обнаруживаем и в публицистике. Так, в статье, посвященной 20-летнему юбилею октябрьских событий 1917 г., опубликованной в «Правде», сказано: «В ночь на 21 ноября Военно-революционный комитет назначил

[41] Ленин 1960: 44; Ленин 1981: 75.
[42] История Всесоюзной коммунистической партии…: 80.
[43] Ленин 1967: 336.
[44] Там же: 337.
[45] Там же: 184.

своих комиссаров по полкам питерского гарнизона с задачей сплотить вокруг себя революционные элементы, изолировать буржуазный командный состав, держать полки в полной боевой готовности»[46].

Тезис о работе в армии как признаке революционности был закреплен и растиражирован в советской культуре 1950-х гг. благодаря художественной литературе. В 1952 г. была издана автобиографическая повесть старого большевика (члена РСДРП с 1904 года) П. Никифорова «В годы большевистского подполья». Говоря о первой русской революции, автор отмечает, что необходимым элементом работы революционеров являлась работа в солдатской среде: «Николай рассказал мне, что он представитель военной организации Петербургского комитета партии и что ему поручено руководить работой среди солдат петербургского гарнизона. <...> Под руководством Николая я создал сначала небольшую группу, которую с его разрешения назвали “Социал-демократическая группа Гвардейского экипажа”. <...> В течение зимы мы создали кружки во всех четырех строевых ротах экипажа», «революционную работу в войсках петербургского гарнизона в 1904–1905 годах большевики вели широко и планомерно»[47].

Напротив, роль агитации и пропаганды в армии недооценивали оппортунисты. Их тактика «трусливого реформизма», исключавшая работу в армии, была признана бесперспективной. Согласно «Краткому курсу», меньшевики и эсеры старались ввести начавшееся революционное движение в «нужные либеральной буржуазии рамки», коренная ломка порядков, за которую выступали большевики, им была не нужна[48].

Советский революционный код, таким образом, включает в себя те же знаки, которые мы видим в трудах советских декабристоведов[49]. И это далеко не случайность. Знаки, зафиксированные в прецедентных текстах советской культуры, играли важную семиотическую роль – они являлись маркерами истинной революционности. Знание семантики указанных выше знаков в пределах советского революционного кода позволяет нам говорить о коннотативном пласте советской историографии декабризма. Повествование о тактике декабристов коннотировало на уровне вторичной знаковой системы идею *несомненной революционности* декабристов. Более того, восстание 14 декабря 1825 г., несмотря на его поражение, в пределах интересующего нас семиотического кода нельзя интерпретировать как бунт. Благодаря планомерности и вооруженному характеру оно оказывается неизмеримо ближе к *революции*, чем к стихийному выступлению по удобному случаю.

---

[46] Двадцать лет Великой Октябрьской социалистической революции…: 1.
[47] Никифоров 1952: 94–95.
[48] История Всесоюзной коммунистической партии…: 168.
[49] Разумеется, это вовсе не означает, что только этими знаками и ограничивается интересующий нас семиотический код. Мы рассмотрели в соответствии с задачами настоящей работы только ту часть революционного кода, которая связана с вопросами подготовки и проведения восстания.

Выводы. Таким образом, идея революционности движения декабристов была сформулирована в советской историографии интересующего нас периода не только в явном виде (т.е. на уровне естественного языка). Эта идея была включена в повествование на уровне вторичной знаковой системы через скрытые отсылки к ключевым для советской культуры событиям в России начала XX века и к истории партии большевиков, зафиксированным в прецедентных текстах советской эпохи. Межтекстовое взаимодействие порождало своеобразную интеллектуальную игру, когда в историческом произведении благодаря памяти контекста актуализировались искомые смыслы. Утверждение о революционности декабристов, сделанное на уровне двух знаковых систем – как денотативной, так и коннотативной, – лишь усиливало суггестивный эффект исторического повествования.

История революций, канонизированная в работах В.И. Ленина, И.В. Сталина и «Кратком курсе», была своеобразной точкой отсчета для построения истории всего общественного движения в России. Декабристы мыслились в советской культуре как предшественники большевиков, но интерпретировались при этом на основе истории своих легендарных потомков. Историографическое время в этом смысле текло в обратном направлении, поскольку ранние события оказывались в зависимости от более поздних. Российские революции начала XX в. и история партии большевиков были семантической доминантой, благодаря которой доступный декабристоведу материал исторических источников, представлявший массу неупорядоченной информации, обретал смысл и выстраивался в единое стройное повествование.

ИСТОЧНИКИ

Аксенов К. Северное общество декабристов. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1951. 320 с. [Aksenov K. Severnoe obshchestvo dekabristov. L.: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo, 1951. 320 s.].

Габов Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 293 с. [Gabov G.I. Obshchestvenno-politicheskie i filosofskie vzglyady dekabristov. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1954. 293 s.].

Двадцать лет Великой Октябрьской социалистической революции (тезисы для пропагандистов) // Правда. 1937. 5 ноября. С. 1. [Dvadcat' let Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii (tezisy dlya propagandistov) // Pravda. 1937. 5 noyabrya. S. 1.].

Захаров Н.С. Петербургское совещание в 1824 г. // Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под. ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 84–120. [Zaharov N.S. Peterburgskoe soveshchanie v 1824 g. // Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov: Sbornik statej / Pod. red. N.M. Druzhinina, B.E. Syroechkovskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj lite-ratury, 1954. S. 84–120.].

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 352 с. [Istoriya Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1946. 352 s.].

Ланда С.С. Дух революционных преобразований 1816–1825. М.: Мысль, 1975. 379 с. [Landa S.S. Duh revolyucionnyh preobrazovanij 1816–1825. M.: Mysl', 1975. 379 s.].

Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в социал-демократической революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической

литературы, 1960. Т. 11. С. 1–131. [Lenin V.I. Dve taktiki social-demokratii v social-demokraticheskoj revolyu-cii// Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. M.: Izd-vo po-liticheskoj literatury, 1960. T. 11. S. 1–131.].

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1981. Т. 41. С. 1–104. [Lenin V.I. Detskaya bolezn' «levizny» v kommunizme // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1981. T. 41. S. 1–104.].

Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 44. С. 101–109. [Lenin V.I. Novye vremena, starye oshibki v novom vide // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1970. T. 44. S. 101–109.].

Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 21. С. 255–262. [Lenin V.I. Pamyati Gercena // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1968. T. 21. S. 255–262.].

Ленин В.И. Революционная армия и революционное правительство // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 10. С. 335–344. [Lenin V.I. Revolyucionnaya armiya i revolyucionnoe pravitel'stvo // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. M.: Izd-vo politicheskoj literatury, 1967. T. 10. S. 335–344.].

Медведская Л.А. Южное общество декабристов и польское Патриотическое общество// Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под. ред. Н. М. Дружинина, Б. Е. Сыроечковского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 276–319. [Medvedskaya L.A. YUzhnoe obshchestvo dekabristov i pol'skoe Patrioticheskoe obshchestvo // Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov: Sbornik statej / Pod. red. N. M. Druzhinina, B.E. Syroechkovskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1954. S. 276–319.].

Нечкина М.В. Движение декабристов: В 2-х т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. II. 505 с. [Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov: V 2-h t. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. T. II. 505 c.].

Никандров П.В. Мировоззрение П.И. Пестеля. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1955. 164 с. [Nikandrov P.V. Mirovozzrenie P.I. Pestelya. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1955. 164 s.].

Никифоров П.М. В годы большевистского подполья. М.: Молодая гвардия, 1952. 327 с. [Nikiforov P.M. V gody bol'shevistskogo podpol'ya. M.: Molodaya gvardiya, 1952. 327 s.].

Оксман Ю.Г. Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX в. // Очерки из истории движения декабристов / Под. ред. Н.М. Дружинина, Б.Е. Сыроечковского. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1954. С. 451–515. [Oksman YU.G. Iz istorii agitacionno-propagandistskoj literatury dvadcatyh godov XIX v. // Ocherki iz istorii dvizheniya dekabristov / Pod. red. N.M. Druzhinina, B.E. Syroechkovskogo. M.: Gosudarstvennoe izda-tel'stvo politicheskoj literatury, 1954. S. 451–515.].

Порох И.В. Восстание Черниговского полка // Очерки из истории движения декабристов: Сборник статей / Под. ред. Н.М. Дружинина, Б.Е. Сыроечковского. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 121–185. [Poroh I.V. Vosstanie CHernigovskogo polka // Ocherki iz istorii dvizheniya de-kabristov: Sbornik statej / Pod. red. N.M. Druzhinina, B.E. Syroechkovskogo. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1954. S. 121–185.].

Прокофьев Е.А. Военные взгляды декабристов. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1953. 175 с. [Prokof'ev E. A. Voennye vzglyady dekabristov. M.: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony Soyuza SSR, 1953. 175 s.].

Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. 401 с. [Sed'moj ekstrennyj s"ezd RKP (b). Mart 1918: Stenograficheskij otchet. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1962. 401 s.].

Сталин И.В. Вооруженное восстание и наша тактика // Сталин И.В. Сочинения: в 16 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. Т. 1. С. 131–137. [Stalin I.V. Vooruzhennoe vosstanie i nasha taktika // Stalin I.V. Sochineniya: v 16 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1954. T. 1. S. 131–137.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 79–166. [Alekseeva G.D. Istoriya. Ideologiya. Politika (20–30-e gg.) // Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke. M.: Nauchno-izdatel'skij centr «Skriptorij», 1997. S. 79–166.].

Анкерсмит Ф. История и тропология: Взлет и падение метафоры. М.: Канон+, 2009. 400 с. [Ankersmit F. Istoriya i tropologiya: Vzlet i padenie metafory. M.: Kanon+, 2009. 400 s.].

Барт Р. Основы семиологии // Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 275–352. [Bart R. Osnovy semiologii // Nulevaya stepen' pis'ma. M.: Akademicheskij proekt, 2008. S. 275–352.].

Барт Р. Текстовой анализ одной новеллы Эдгара По // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 424–461. [Bart R. Tekstovoj analiz odnoj novelly Edgara Po // Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1989. S. 424–461.].

Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с. [Bart R. S/Z. M.: Editorial URSS, 2001. 232 s.].

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX в. М.: Реалии-Пресс, 2003. 654 с. [Bokova V.M. Epoha tajnyh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniya pervoj treti HIH v. Moskva: Realii-Press, 2003. 654 s.].

Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930-1950-е годы) Брянск: Изд-во Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского, 2005. 800 с. [Dubrovskij A.M. Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i koncepciya istorii feodal'noj Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930-1950-e gody) Bryansk: Izd-vo Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta im. akad. I. G. Petrovskogo, 2005. 800 s.].

Ильин П.В. Актуальные направления в изучении истории декабристов вчера и сегодня: некоторые оценки и наблюдения // Декабристы: Актуальные направления исследований: Сб. стат. и материалов / Сост., отв. ред. П.В. Ильин. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 3–24. [Il'in P.V. Aktual'nye napravleniya v izuchenii istorii dekabristov vchera i segodnya: nekotorye ocenki i nablyudeniya // Dekabristy: Aktual'nye napravleniya issledovanij: Sbornik statej i materialov / Sost., otv. red. P.V. Il'in. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. S. 3–24.].

Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: УРСС, 2001. С. 7–22. [Kosikov G. Ideologiya. Konnotaciya. Tekst // Bart R. S/Z. M.: Edit. URSS, 2001. S. 7–22].

Косиков Г. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический проект, 2008. С. 5–50. [Kosikov G. Rolan Bart – semiolog, literaturoved // Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma. M.: Akademicheskij proekt, 2008. S. 5–50.].

Лотман Ю.М. Культура и информация // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Академический проект, 2002. С. 143–153. [Lotman YU.M. Kul'tura i informaciya // Lotman YU.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. SPb: Akademicheskij proekt, 2002. S. 143–153.].

Лотман Ю.М. Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 287–295. [Lotman YU.M. Scena i zhivopis' kak kodiruyushchie ustrojstva kul'turnogo povedeniya cheloveka nachala XIX stoletiya // Lotman YU.M. Izbrannye stat'i v trekh tomah T. I: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallin: Aleksandra, 1992. S. 287–295.].

Лотман Ю.М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Академический проект, 2002. С. 274–294. [Lotman YU.M. Tezisy k probleme «Iskusstvo v ryadu modeliruyushchih sistem» // Lotman YU.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. SPb: Akademicheskij proekt, 2002. S. 274–294.].

Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х гг. – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 244–268. [Sidorova L.A. Ottepel' v istoricheskoj nauke. Seredina 50-h gg. – seredina 60-h gg. // Istoricheskaya nauka Rossii v XX veke. M.: Nauchno-izdatel'skij centr «Skriptorij», 1997. S. 244–268.].

Успенский Б.А. История и семиотика. Восприятие времени как семиотическая проблема / Этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С 9-45. [Uspenskij B.A. Istoriya i semiotika. Vospriyatie vremeni kak semioticheskaya problema / Etyudy o russkoj istorii. SPb.: Azbuka, 2002. S 9-45.].

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с. [Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta. M.: RGGU, 2005. 502 s.].

Юрганов А.Л. Русское национальное государство: жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 765 с. [YUrganov A.L. Russkoe nacional'noe gosudarstvo: zhiznennyj mir istorikov epohi stalinizma. M.: RGGU, 2011. 765 s.].

Iggers G. Historiography in the Twentieth Century: From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge. Hanover & London: Wesleyan University Press, 1997. 182 p.

White H. Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, London: John Hopkins University Press. 1990. 244 p.

Каменев Евгений Владимирович, *кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, доцент, ev.kamenev@yandex.ru*

«The Storming of the Winter Palace»: reverse time of the Soviet historiography on the Decembrists in the mid-1950s

The article explores the interpretive mechanism of the Soviet historiography of the Decembrist movement in the mid-1950s. The narrative about Decembrist tactics is taken as an example. It is shown that the idea of revolutionism of the Decembrists was formulated at the level of the secondary sign system on the basis of references to the events of the beginning of the 20th century that were important in the framework of Soviet culture. The Decembrists were named as the forerunners of the Bolsheviks in the Stalin era, but they were interpreted on the basis of the history of their legendary descendants. Historiographical time flowed in the opposite direction, because previous events depended on subsequent ones. Revolutions of the beginning of the XX c. were semantic dominant, thanks to which the material of historical sources was interpreted and built into a coherent narrative.

Keywords: Soviet historiography, Decembrism, historical interpretation, semiotics, intertext

Evgenii Kamenev, *PhD (History), associate professor, Petrozavodsk State University, docent; ev.kamenev@yandex.ru*